

Артурос Перес-Реверте

ПО ОСТРИЮ КЛИНКА

КАВАЛЕР В ЖЕЛТОМ КОЛЕТЕ
КОРСАРЫ ЛЕВАНТА
МОСТ УБИЙЦ

Санкт-Петербург

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44
II 27

Arturo Pérez-Reverte
EL CABALLERO DEL JUBÓN AMARILLO
Copyright © 2003, Arturo y Carlota Pérez-Reverte
CORSARIOS DE LEVANTE
Copyright © 2006, Arturo y Carlota Pérez-Reverte
EL PUENTE DE LOS ASESINOS
Copyright © 2011, Arturo y Carlota Pérez-Reverte
All rights reserved

Перевод с испанского Александра Богдановского

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Егора Саламашенко

© А. С. Богдановский, перевод, 2006, 2014
© Н. Ю. Ванханен, перевод стихотворений, 2006, 2014
© И. Б. Полякова, перевод стихотворений, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-26532-5

**КАВАЛЕР
В ЖЕЛТОМ КОЛЕТЕ**

Враги — и многочисленны, и рьяны —
Его объехать тщились по кривой.
Боец изрядный, хоть и рядовой,
Молвой произведен был в капитаны.

Торил ему по свету путь кровавый
Не ведающий жалости клинок...
Попробовал бы он не быть жесток:
Какие времена — такие нравы¹.

¹ Здесь и далее стихи, кроме отмеченных особо, — в переводе А. Богдановского. — *Примеч. ред.*

I ТЕАТР ДЕ ЛА КРУС

Диего Алатристе не иначе как бес попутал. Вместо того чтобы смотреть в Театре де ла Крус новую пьесу, он дрался на Пуэрта-де-ла-Вега с совершенно незнакомым ему человеком: как зовут — и то неизвестно. На первое представление комедии Тирсо де Молины, о которой много было разговоров в городе и при дворе, устремился весь Мадрид: люди заполнили театр до отказа и выстроились в очередь на улице, готовые пустить друг другу кровь по столь основательному поводу, как кресло в партере или стоячее место, ибо в те времена выхватить шпагу было все равно что перекреститься; тем более что в такой толчее поневоле кого-нибудь толкнешь и тотчас услышишь: «Поосторожней, черт побери, глядите, куда лезете!» — «Я бы посоветовал вам, сударь, самому разуть глаза». Слово за слово, и готово дело. Именно подобный обмен любезностями сделал поединок неизбежным, и Алатристе, проведя двумя пальцами по усам, заметил своему собеседнику: тот вправе давать ему любые советы, но только не здесь, а буквально в двух кварталах отсюда, на Пуэрта-де-ла-Вега, где они смогут выяснить отношения с оружием в руках. Если, конечно, духу хватит. Судя по всему, с присутствием духа у запальчивого молодого человека все обстояло благополучно, и оттого собеседники, не обменявшись более ни единым словом, направились на берег Мансанареса, держась не только рядышком, словно закадычные друзья, но и за рукояти шпаг, которые сейчас, вылетев из ножен и скрестясь, так весело звенели и сверкали в лучах заходящего солнца.

...Капитан удвоил внимание и не без труда отбил первый опасный выпад своего противника. Он злился и досадовал, но больше на себя, а еще больше — на собственную злость. Потому что

она — скверное подспорье в таких делах. Когда на кону стоят жизнь или здоровье, фехтование требует полнейшего хладнокровия и некой даже бесчувственности, а злость и досаду затаи в душе, если не хочешь, чтобы вместе с нею вылетели они через треугольную дырочку в колете. Алатристе знал это правило, но ничего не мог с собой поделать. Именно в таком расположении духа вышел он нынче из таверны «У турка»: Каридад Непруха с ходу, едва успев воротиться от мессы, затеяла большой скандал с битьем посуды, вследствие чего капитан удалился, хлопнув дверью, а к началу спектакля опоздал — и именно своему скверному настроению обязан был тем, что лишился возможности, рассуждая здраво и выражаясь учтиво, избежать поединка по столь вздорному поводу. Но теперь уже было поздно, назад не отыграешь. Противник ему попался не из последних — быстрый, увертливый, с хорошо поставленным ударом и явным навыком в таких делах. Он перемежал короткие выпады с искусными финтами, отступал, словно готовясь рубануть шпагой, а на самом деле старался улучшить момент, припасть на левую ногу и ухватить капитанов клинок крючками на эфесе своего кинжала. Старый трюк, однако может привести к успеху, если зорок глаз и рука тверда, но Алатристе, человек опытный и закаленный в подобных переделках, разгадал замысел противника, на уловку эту не поддавался, внимательно следил за его левой рукой, не позволяя ему исполнить хитрое намерение, а сам тем временем выматывал его. Человеку, с которым ему довелось сойтись в бою, немного перевалило за двадцать, он был хорош собой, и что-то неуловимое в облике его подсказывало капитану, что с ним дерется свой брат — вояка, солдатская кость, — хоть и одетый, как принято у молодых и знатных мадридцев: короткие замшевые сапоги, *ропиля* тонкого сукна, хорошие плащ со шляпой, сейчас брошенные наземь, чтоб не мешали. Нет, он молодец — совсем не трус, держится стойко, рот держит на замке и ничуть не фанфаронит. Алатристе не купился на ложный выпад, сместился еще на четверть окружности вправо, так что солнце било теперь в глаза противнику. Будь все проклято! К этой минуте на сцене отыграли не меньше половины первого действия «Садов Хуана Фернандеса».

Пора кончать, решил он, но горячку пороть не надо. Ни горячку, ни брюхо противнику — нечего осложнять себе жизнь убий-

ством среди бела дня. Алатристе сделал вид, что собирается нанести удар вверх, ушел вправо, опустил клинок, защищая корпус, и, стремительно рванувшись вперед, полоснул противника кинжалом по голове. Это против правил, сказал бы любой секундант, но секундантов не было, а была Мария де Кастро, уже вышедшая на сцену Театра де ла Крус, до которого, между прочим, еще шагать два квартала. Какие уж тут фехтовальные изыски! Так или иначе, поединок он выиграл. Юноша побледнел, упал на колени, а из рассеченного виска густо и ярко хлынула кровь. Кинжал он выронил, а на шпагу опирался, пытаясь встать, но Алатристе, вложив клинок в ножны, подошел вплотную и добрым пинком выбил оружие у него из рук. Подхватил, не дав свалиться навзничь, достал из-за обшлага чистый платок и, как умел, перевязал глубокую царापину.

— Как вы смотрите на то, что я сейчас откланяюсь? — осведомился он.

Но раненый смотрел осоловело и не отвечал. Алатристе, сердито засопев, пояснил:

— Дел много.

Дождавшись наконец слабого кивка, поддержал за плечо, помог приподняться. Из-под платка продолжала струиться кровь, но Алатристе рассудил: скоро уймется, парень молодой и крепкий.

— Сейчас позову кого-нибудь.

Почему-то не получалось плюнуть на все да идти своей дорогой. Он задрал голову к верхушке башни Алькасара, вздымавшейся над крепостными стенами, потом глянул вниз, на Сеговийский мост. Никого. Ни альгвасилов — впрочем, это как раз недурно, — ни прохожих. Ни единой живой души. Весь Мадрид сидит в театре, рукоплещет Тирсо, а он торчит здесь, попусту теряя время. Может быть, нетерпеливо подумал Алатристе, принанять за горстку медяков какого-нибудь разносчика или носильщика — их много, наверное, ошивается у Пуэрта-де-ла-Вега в ожидании приезжих, — и пусть тащит этого малого в гостиницу, к черту или к дьяволу. Куда угодно. Вновь усадил раненого на камень — обломок поваленной стены. Подобрал с земли и протянул ему плащ, шляпу, шпагу, кинжал.

— Ну, что еще я могу для вас сделать?

Тот дышал медленно и прерывисто, и лицо его оставалось меловым. Поднял голову, долго — как видно, все плыло и расплывалось у него перед глазами — смотрел на капитана и проговорил наконец хрипло и слабо:

— Как ваше имя?

Алатристе надел шляпу, предварительно отряхнув ею запыленные сапоги, и ответил неприязненно:

— Вам нет дела до моего имени. А мне — до вашего.

Когда гитары возвестили конец интермедии, мы с доном Франсиско увидели капитана: сняв шляпу, перебросив через руку свернутую епанчу, склонив голову и придерживая шпагу, он пробирался через густую толпу, заполнявшую патио и вообще все помещение театра, причем на каждом шагу приговаривал: «Прошу извинения... Виноват... Простите за беспокойство...» Вот он вышел из-под *кассуэлы*¹, приветствовал альгвасила, уплатил шестнадцать мараведи слугителю, поднялся по ступенькам и стал пробираться к нам — а мы сидели в первом ряду, у самой балюстрады. Как это он проник в театр: у входа творится сущее светопреставление, к дверям не пробиться, — удивился я, но сразу понял, что капитан решил воспользоваться не главным входом, а задней дверью — именно через нее попадали в театр дамы, — охранявший же ее слугитель в кожаном нагруднике, призванном уберечь его от кинжалов тех, кто желал наслаждаться искусством задарма, в миру был помощником аптекаря Фадрике Кривого, закадычного приятеля Диего Алатристе. Так что поход в театр, считая мзду привратнику, плату за вход, за место и благотворительный сбор, облегчил и без того не слишком пухлый кошелек капитана реала на два. Но сегодня давали «Сад Хуана Фернандеса», новую комедию Тирсо. В те времена, вместе с престарелым Лопе де Вегой и юным, но шибко идущим в гору Педро Кальдероном, этот монах ордена мерседарианцев, которого на самом деле звали Габриэлем Тельесом, приносил наибольшие доходы импресарио и артистам, доставлял наслаждение обожающим его зрителям, хотя, конечно, в славе и всенародном при-

¹ Места в зрительном зале, отведенные для женщин и духовенства. — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

знании уступал великому Лопе, парившему в заоблачных высях. Кроме того, расположенный недалеко от Прадо великолепный мадридский сад, подаривший свое имя комедии и служивший излюбленным местом для прогулок и любовных свиданий, был тогда в большой моде, так что, едва успела появиться на сцене переодетая мужчиной Петронила в сопровождении Томасы в лакейской livрее, публика начала рукоплескать, не дожидаясь, когда блистательная комедиантка Мария де Кастро произнесет свою первую реплику. И даже так называемые мушкетеры, получившие сие прозвище за то, что, облакая по команде своего верховода Табарки критические отзывы в громовое шиканье, топот и пронзительный свист, являлись на представления в плащах, при шпагах и кинжалах, точно солдаты в караул, — так вот, даже они одобрительно били в ладоши и значительно, как истые ценители, покачивали головами, слушая слова Томасы.

А снискать одобрение мушкетеров — вещь немаловажная. В те времена, когда наравне с корридой театр влек к себе и патрициев, и плебеев, одинаково пользуясь у тех и других любовью страстной и пристрастной, даже самые прославленные авторы в прологе старались польстить этой шумной и взыскательной части публики, ибо сказано:

...Вам надобно снискать сперва поддержку тех,
Кто предопределит провал или успех.

Поскольку в тогдашней нашей Испании, яркой и живописной, ни в дурном, ни в хорошем удержу и меры не ведавшей, невежественный лекарь мог, кары не страшась, морить пациентов кровопусканиями, продажный и растленный чиновник — безбоязненно запускать лапу в казну, а вот поэту неточная рифма или вялая интрига не сходила с рук. Казалось порой, что публика предпочитает плохие комедии хорошим, поскольку на вторых можно было лишь сидеть да хлопать, зато первые предоставляли простор для шиканья, гиканья, свиста, топота и заушательских отзывов во всеуслышание: «К черту! Пусть такое туркам показывают!» Распоследний тупица строил из себя знатока, любая дуэнья или дюжая мужеподобная служанка считала себя вправе звенеть ключами, выказывая свое неудовольствие по поводу затянутого монолога. И в театральной зале испанский народ, разъ-

яренный тем, как бездарно им правят, мог вволю и всласть предаваться исконной национальной забаве — совершенно безнаказанно буйствовать и бушевать, вымещать накопившуюся досаду, изливать застоявшуюся желчь. Не так ли в свое время поступил и Каин, который родился, само собой разумеется, в Испании, был идалго и старый христианин?

Но я отвлекся. Итак, мой хозяин пробрался к месту, которое мы держали для него до тех пор, пока некий зритель не потребовал, чтобы мы позволили ему сесть, а дон Франсиско, избегая ссоры не по миролюбивому складу характера, но по обстоятельствам времени и образа действия, уступил, предупредив чересчур настырного театрала, что, когда явится законный владелец, придется убраться. Дерзкая формула «там видно будет», которую произнес, усаживаясь, претендент, обрела оттенок боязливо-го уважения, ибо все и вправду стало видно и очевидно минуту спустя, когда дон Франсиско, пожав плечами, указал выросшему на ступеньках Алатристе на занятое место и тот обратил к пришлицу свой заиндевелый взгляд. Соперник — нетрудно было догадаться, что это разбогатевший простолюдин, поставлявший в столицу лед откуда-нибудь из Фуэнкарраля, и шпага на перевязи пристала ему не более, чем корове седло, а Иисусу Христу аркебуза, — посмотрел на капитана, оценил пронзительную стынь его глаз, пышные солдатские усы, исцарапанную и выщербленную чашку эфеса, рукоять подвешенного справа кинжала. Без единого слова, безмолвно, как моллюск, он сглотнул, сделал вид, будто желает купить у разносчика стакан воды с медом, и посунулся в сторону, потеснив соседа слева, а капитану предоставив место на скамье во всей его целокупности.

— Соизволили наконец пожаловать, — сказал ему Кеведо.

— Вышла небольшая заминка, — ответил Алатристе, усаживаясь и поудобнее пристраивая шпагу.

От него, как бывало на войне, пахло потом и железом. Дон Франсиско заметил, что рукав его колета чем-то выпачкан.

— Кровь? — спросил он, вздернув брови за стеклами очков.

— Чужая.

Поэт значительно кивнул, отвернулся и промолчал. Ибо сам неоднократно утверждал, что дружба зиждется, помимо совмест-

но выпитого, на умении драться плечом к плечу и промолчать в нужную минуту. Я тоже с некоторой тревогой посматривал на своего хозяина, а он ответил мне успокаивающим взглядом и мелькнувшим под усами слабым подобием улыбки.

— У тебя все в порядке, Иньиго?

— Все, капитан.

— Какова была интермедия?

— Очень хороша. «Подавай карету» называлась, сочинение Киньонеса де Бенаvente. Мы хохотали до колик.

Но тут смолкли гитары, и разговор прервался. Мушкетеры, как всегда грубые и несдержанные, злобно зашипели, требуя тишины и обводя соседей зверскими взглядами. В касуэлах началось усиленное колыхание вееров, а многозначительное переглядывание с мужчинами, наоборот, прекратилось, разносчики с корзинами и объемистыми кувшинами удалились, а знатные люди вернулись на свои места в ложах, задернутых шторками. В одной из лучших я заметил графа де Гуадальмеду в компании приятелей и нескольких дам — мне было известно, что за эту ложу он платит две тысячи реалов в год, — а по соседству с ним — графа герцога Гаспара де Гусмана Оливареса со всем семейством. Не хватало только его величества — Филипп Четвертый обожал театр и частенько появлялся тут под маской или инкогнито, — однако он был утомлен недавней поездкой по Арагону и Каталонии, где, кстати, в числе его сопровождавших лиц был и наш дон Франсиско, чья звезда разгоралась все ярче. Кеведо, разумеется, мог бы сидеть в любой из лож, куда его с радостью пригласили бы наши гранды, но он любил потеряться в гуще народа и предпочитал живой и вольный дух партера, а кроме того, ему доставляло удовольствие ходить в театры в обществе Диего Алатристе. Этот бывший солдат и суций *эспадачин* был достаточно образован, ибо книг прочел немало и порядочно разбирался как в литературе, так и в театре, и, хоть мнения свои, отличаясь крайней несловоохотливостью, высказывал не раньше, чем спросят, отлично видел все достоинства и пороки комедии, не давал себя обмануть дешевыми трюками, которые иные авторы во имя успеха у неприятельного простонародья использовали чересчур щедро. Это, разумеется, не касалось титанов — Лопе, Тирсо или Кальде-

рона: ибо, даже когда они прибегали к расхожим приемам, не отмеченным печатью безупречного вкуса, те получались у них совсем иными и отличались от ремесленных поделок, как небо от земли. Сам Лопе владел этим искусством несравненно:

Лишь стоит за комедию мне взяться,
 На семь замков я запираю знания
 И выношу Теренция и Плавта
 Из дома прочь, чтобы немые книги
 Своих подсказок не кричали в уши¹.

Это, однако, следует понимать не как покаяние нашего Феникса, но как объяснение того, почему он не желает потрафлять ученым мужам, последователям Аристотеля, которые хоть и брали его комедии, однако же дали бы отрубить себе руку за право поставить под ними свою подпись, а главное — получать процент со сбора. Впрочем, я отвлекся: в тот вечер играли не Лопе, а Тирсо, что в данном случае не так уж важно. Комедия, относящаяся к разряду «плаща и шпаги», написанная превосходными стихами, с должной глубиной и основательностью изображала тогдашний Мадрид, лживый город — не город, а морок, — гиблое место, куда приходит солдат, желая получить за свою храбрость награду, которая от него уплывает. Порицалось там наше всегдашнее презрение к труду и тяга к роскоши — тоже, между прочим, национальный порок, и тогда, и потом неуклонно тянувший нас в пропасть, усугублявший нравственный недуг, который развалил необъятную империю, наследие отважных, непреклонных, жестоковыйных людей, после восьмисотлетней резни с маврами усвоивших, что терять им нечего, а обрести можно все. Над Испанией 1626 года, к коей относится мой рассказ, солнце еще не заходило, но стояло уже далеко не в зените. А окончательный закат былой славы пришлось мне своими глазами наблюдать семнадцать лет спустя, в долине Рокруа, когда под визг неприятельской картечи я, уже в чине прапорщика вздымая располованное знамя над последним каре нашей несчастной, нашей стойкой пехоты, в ответ на вопрос французского офицера, сколько людей было в дочиста истребленном полку, сказал: «Сочтите убитых». Тогда же я закрыл глаза капитану Алатристе.

¹ Перевод Н. Ванханен.

Но всему свой черед. А потому вернемся в Театр де ла Крус, где в тот вечер давали новую комедию Тирсо де Молины, от которой столь многого ожидали и которая стала причиной столпотворения, описанного мною ранее. И вот мы с капитаном и Кеведо смотрели на сцену, где меж тем начался *день второй*¹: из-за кулис вновь появились Петронила и Томаса, предоставив воображению зрителей дорисовать красоты сада, а о том, что это именно сад, скупо намекала декорация в виде увитой плющом ограды. Краем глаза я видел, как Алатристе подался вперед, облокотился о барьер и орлиный профиль его четко обозначился в снопе света, проникшем через прореху в парусине, натянутой ради того, чтобы предвечернее солнце не слепило зрителей, ибо театр был выстроен на западной вершине холма. Обе комедиантки были чудо как хороши в мужских костюмах, ношение коих на сцене не смогли искоренить ни королевские указы, ни нападки инквизиции, — уж больно по сердцу приходилась сия вольность мадридским зрителям. Когда же в свое время несколько членов Совета Кастилии, чье безмерное фарисейство подхлестнуто было фанатизмом неких клириков, попытались вообще изгнать комедию со сцены, народ воспротивился единодушно и не отдал свою отраду, тем паче что ревнителям нравственности объяснили: часть сборов от каждого представления идет в пользу богоугодных заведений.

Итак, под аплодисменты битком набитого зала появились из-за кулис две женщины в мужском платье, и когда Мария де Кастро, исполнявшая роль Петронилы, подала свою первую реплику:

Поскорее все открой мне,
Места не найду в тревоге... —

мушкетеры, люди, как я уже говорил, взыскательные, в безмолвном одобрении привстали на цыпочки, чтобы лучше видеть, а дамы в ложах прекратили грызть орешки, жевать лаймы и сливы. Мария де Кастро была самой красивой и самой знаменитой комедианткой того времени, и, как ни в ком ином, воплощалась в ней пленительная и странная суть того, что называется «театром», вечно колеблющегося между зеркальным отображением — нужды нет, что зеркало это было порою кривым, — нашей

¹ В испанской комедии «золотого века» действия назывались «днями».

повседневности и сновиденной прелестью самых возвышенных мечтаний. Мария, создание живое и пылкое, была отлично сложена и на лицо хороша как картинка, наделена огромными черными глазами, белейшими зубками, изящно очерченным и соразмерным ртом. Женщины завидовали ее нарядам, красоте и мастерству декламации. Мужчины млели от нее на сцене и домогались ее за кулисами, чему нимало не препятствовал супруг, Рафаэль де Косар, блистательный комедиант и любимец публики, о коем я поведаю вам в надлежащее время, а пока скажу лишь, что, помимо ярчайшего дарования, выказываемого во всех ролях, будь то плутоватый слуга, изящный кабальеро или благородный старик-отец, был он славен еще и тем, что весьма охотно, безо всякой огласки и за приемлемую мзду предоставлял доступ к прелестям четырех или пяти актрис своей труппы: все они были или по крайней мере считались замужем и, следовательно, не нарушали королевских установлений, введенных в действие еще во времена великого нашего государя Филиппа Второго. Сам Косар с обезоруживающим бесстыдством говорил по этому поводу так: «Я впал бы во грех себялюбия и преступил бы завет милосердия, каковое есть важнейшее из добродетелей, если бы не дал наслаждаться искусством тем, кому оно по карману». В сих обстоятельствах законная его жена — впоследствии я узнал, что брак их был фиговым листком, прикрывавшим шашни обоих супругов, — Мария де Кастро, приберегаемая для особых случаев прекрасная арагонка с каштановыми волосами и нежно звенящим голоском, оказалась истинным сокровищем, почище золота инков. Короче говоря, к бесстыжему Косару с полнейшим основанием можно было отнести лукавый стих Лопе:

Супружеская честь — такая цитадель,
Где штурмовой отряд всегда отыщет щель.

Впрочем, отдадим должное Марии де Кастро, тем паче что это имеет отношение к нашей истории, — не всегда во вкусах своих и представлениях руководствовалась она только выгодой, не только алчностью горели порой ее прекрасные глаза. Недаром же говорится: «С одним — для достатка, с другим — чтобы сладко». Вот в отношении этого «другого» и чтобы прояснить вам, господа, положение вещей, скажу, что Диего Алатристе и комедиантка были знакомы хорошо и близко: скандал, устроенный Каридад

Непрухой накануне спектакля, и скверное настроение моего хозяина имели к сей близости самое непосредственное отношение, — и что, когда начался день второй, капитан не сводил пристального взора со сцены; я же поглядывал то на него, то на Марию. Ибо, с одной стороны, тревожился за него, а с другой — огорчился из-за трактирщицы, которую очень любил. Актриса и меня пробиравала до печенок, воскрешая в памяти события трех-четырёхлетней давности, когда я впервые увидел ее в Театре дель Принсипе на представлении «Набережной в Севилье», ознаменовавшемся побоищем в высочайшем присутствии и с участием принца Уэльского и Бекингема — тогда еще не герцога, а маркиза. Ибо если Мария де Кастро и не казалась мне прекраснейшей женщиной на свете — как вам известно, сей титул мною отдан был той, кому не иначе как сам Сатана даровал при рождении синие глаза, — то все же красота актрисы переворачивала мне нутро так же, как и всем лицам мужского пола. Разумеется, я и предполагать тогда не мог, сколь сильно осложнит она жизнь мне и моему хозяину, какие опасности навлечет на нас, — да что мы! даже нашему государю придется в те дни проскользнуть в буквальном смысле по лезвию — не бритвы, так шпаги. Обо всем этом я намереваюсь поведать вам, дабы новое приключение наше доказало: нет такой каверзы, которую ни измыслит дьявол, избрав орудием своим хорошенькую женщину, нет такого безумства, на которое ни подвигнет он мужчину, и такой пропасти, на край которой ни поставит он его.

Между вторым и третьим днями по зычному требованию мушкетеров пропеты были известные куплетцы под названием «Воровка донья Исабель», которыми с большим вдохновением и жаром порадовала нас Хасинта Руэда, малость перезрелая, но все еще аппетитная красотка. Впрочем, насладиться искрометным исполнением мне было не суждено, ибо тотчас же приблизился к нам служитель и сообщил сеньору Диэго Алатристе, что его ожидают. Капитан многозначительно переглянулся с доном Франсиско, а покауда он вставал и оправлял на левом боку шпагу, поэт неодобрительно покачал головой, примолвив:

Марионеткой не плясав на тонких нитях,
Блажен, кто без страстей сумел прожить,
Трикрat блажен, кто смог похоронить их.

Алатристе пожал плечами, взял плащ, надел шляпу, сухо пробормотал:

— Не морочьте голову, дон Франсиско, без вас тошно, — и начал протискиваться к выходу. Кеведо же послал мне красноречивый взгляд, и я, правильно истолковав его, двинулся вдогонку хозяину. «Дашь знать, если что пойдет наперекос, — сказали мне глаза, спрятанные за стеклами круглых очков. — Шпага хорошо, а две — лучше». В гордом сознании возложенной на меня ответственности я половчей приладил висевший сзади «кинжал милосердия» и тихой мышкой выскользнул следом за Алатристе, от всей души уповая, что нам дадут насладиться комедией. Ибо величайшей низостью было бы портить премьеру славному Тирсо.

Диего Алатристе знал дорогу, ибо шел по ней не впервой. Спустился по ступеням, не доходя до буфета, свернул налево и оказался в коридоре, который, огибая ложи, вел на сцену и за кулисы. На лестнице увидел он давнего друга — лейтенанта альгвасилов Мартина Салданью, занятого беседой с содержателем театра и еще двумя знакомыми, принадлежащими к тому же миру. Алатристе на миг замедлил шаги, здороваясь с ними, и уловил озабоченность на лице лейтенанта. Двинулся было дальше, но тут Салданья с деланой непринужденностью, будто вспомнив о некоем не слишком важном дельце, окликнул его, нагнал и, взяв пониже локтя за руку, прошептал:

— Там — Гонсало Москатель.

— А мне-то что?

— Хотелось бы, чтоб все было тихо.

Алатристе с непроницаемым видом взглянул на него и ответил:

— И ты тоже голову не морочь.

И прошел вперед, куда Салданья скреб себе бороду, раздумывая, в какую компанию зачислил его былой однополчанин. Шагов через десять капитан отодвинул драпировку и оказался в просторном помещении без окон, где хранились расписанные задники декораций. В глубине же, отделенные занавесками, тянулись каморки, в которых переодевались и гримировались актрисы; мужские уборные помещались ниже этажом. В этой же комнате занятые в спектакле ждали своего выхода на сцену

и принимали поклонников, и в настоящую минуту находилось там человек шесть комедиантов обоего пола, готовых выйти на сцену, как только Хасинта Руэда, чей голос доносился из-за драпировки, допоеет куплет, да трое-четверо кабальеро из тех, кому благодаря богатству или положению в обществе дозволялись такие вольности. Был среди них, понятное дело, и дон Гонсало Москатель.

Поймав на себе взгляд Салданы и, как благонравный отрок, поклонившись лейтенанту, я скользнул следом за своим хозяином. Черты одного из тех, кто стоял на лестнице вместе с альгвасилом, показались мне знакомыми, но вспомнить, где я его видел, не удалось. Внутрь я не вошел, а прислонился к стене в узком коридорчике, откуда увидел, как капитан и находившиеся в комнате кабальеро сухо раскланялись, не подумав даже снять шляпы, — наверное, чтоб прическу не попортить. Единственный человек, не ответивший на приветствие Алатристе, прозывался дон Гонсало Москатель, и мне пора представить вам эту колоритную личность. Сеньор Москатель казался ожившим персонажем «комедии плаща и шпаги» — рослый, тучный, со зверскими усищами, подвитые кончики коих торчали выше носа, а в облике его в равных долях причудливо перемешивались изысканность и преувеличенная воинственность, каковое сочетание придавало ему смехотворно-свирепый вид. Сами посудите: одет чрезвычайно щеголевато, словно какой-нибудь юный придворный вертопрах, — остроугольный кружевной воротник, темно-лиловый колет со сборчатыми рукавами, с недавних пор вновь вошедшими в моду, французского покроя пелерина, шелковые чулки, черные фетровые башмаки и такая же шляпа с необыкновенно пышным султаном, но при этом на перевязи, сплошь инкрустированной старинными серебряными монетками, висит непомерной длины шпага, какую носят мадридские фанфароны, которые заливчато крутят усы, на каждом шагу поминают Бога и черта и поминутно лязгают ножнами. Вдобавок дон Гонсало хвастался — без малейших на то оснований — тем, что состоит в дружбе с Гонгорой, и сам кропал стишки, издавая их собственным попечением, благо человек был небедный. Имелся у него лишь один сомышленник и поклонник, а верней сказать — прихлебатель, на всех

углах трубивший ему славу, но сей сомнительный виршеплет, писавший, на свою беду, пером, выдернутым, надо полагать, из крыла ангела, некогда явившегося в Содом¹, недавно был сожжен на костре по обвинению в том самом грехе, название коему дал славный библейский городок, так что некому было восхвалять дарования Москателя до тех пор, пока некий проходимец, по имени Сатурнино Аполо, — гнуснейший представитель судейского сословия, человечиска липкий, неумеренно льстивый и мутный — намертво не приклеился к нему, заняв место казненного и начав без зазрения совести высасывать из благодетеля деньги. О нем речь впереди. А деньги у дона Гонсало водились, ибо, помимо того что он поставлял в мадридские мясные лавки разнообразную убоину, включая сало свежее и свежепросоленное, ему досталось немалое наследство по смерти жены, отец которой был служителем Фемиды, весьма искусно умевшей скашивать глаз из-под повязки и склонять как раз ту чашу весов, куда золотых накидали больше. Потомством Москатель не обзавелся, но в его доме на улице Мадера воспитывалась сиротка-племянница — барышня на выданье, — которую он стерег почище трехглавого пса Цербера. Сомневаться не приходилось, что рано или поздно заблещет на его колете крест какого-нибудь рыцарского ордена, — в нашей Испании, где не продохнуть от мздоимцев и сребролюбцев, все доступно тому, кто наворовал достаточно, чтобы за это все уплатить.

Краем глаза Алатристе заметил, что Гонсало Москатель пепелит его взглядом, а руку не снимает с эфеса. К несчастью, они были хорошо знакомы, и при каждой встрече взгляды мясника недвусмысленно показывали, какого рода чувства испытывает он к капитану. Все началось месяца два назад, в ночной час, когда с криком «Поберегись!» из окон выплескивают помои и опорожняют урыльники: завернувшийся в плащ и скупое освещенный луной, Алатристе возвращался к себе в таверну, когда на углу улицы Уэртас услышал разговор на повышенных тонах, а подойдя поближе, разглядел две тени. Он не любил лезть не в свое дело

¹ В Книге Бытия (19) рассказывается, как жители Содома пытались «познать» двух ангелов, которым оказал приют праведник Лот. В наказание за это город был уничтожен «огнем и серой с неба».

Перес-Реверте А.

П 27 По острию клинка : романы / Артуро Перес-Реверте ; пер. с исп. А. Богдановского. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 704 с. — (Мир приключений. Большие книги).

ISBN 978-5-389-26532-5

По страницам популярного цикла историко-приключенческих романов Переса-Реверте со шпагой в руке шагает бесстрашный воин армии испанского короля, а в свободное от сражений время дуэлянт, авантюрист, благородный разбойник и наемный убийца, человек чести Диего Алатристе, которого за его неимоверную храбрость называют капитаном. В романах, продолжающих цикл, он все так же балансирует на острие клинка и попадает в опасные ситуации, из которых человек ординарный вряд ли вышел бы живым, — встает на пути злодея, задумавшего преступление века, едва не делается жертвой любви к великой актрисе, бороздит просторы Средиземного моря, сражаясь с турками и пиратами, а в Венеции должен осуществить непростую миссию в привычной роли наемного убийцы.

Артуро Перес-Реверте — бывший военный журналист, прославленный автор блестящих исторических, военных, приключенческих, детективных романов, переведенных на сорок языков, обладатель престижнейших литературных наград. Цикл об Алатристe — один из высочайших его литературных взлетов: здесь он блистательно ведет игру на поле, где оставили яркий след такие знаменитые мастера авантюрно-исторического романа, как Александр Дюма, Рафаэль Сабатини, Эмилио Сальгари, и нисколько им не уступает. «Капитан Алатристе, — писал о цикле коллега автора Альберто Монтанер, — удостоился чести стать одним из тех персонажей, что вошли в клуб литературных мифов и навеки поселились в коллективном воображении. Серьезное достижение, если учесть, что испанцев в этом клубе всего ничего: Эль Сид, Дон Жуан да Дон Кихот».

В настоящий том вошли пятый, шестой и седьмой романы цикла «Капитан Алатристе»: «Кавалер в желтом колете», «Корсары Леванта» и «Мост Убийц».

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

АРТУРО ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ
ПО ОСТРИЮ КЛИНКА

Ответственный редактор Анастасия Грызунова
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Корректоры Валентина Гончар, Валерий Камендо

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.09.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 43,12. Заказ № .

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА® 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге 191024, г. Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-MPB-35520-01-R